

**ЕЛІТИ І ЦИВІЛІЗАЦІЙНІ
ПРОЦЕСИ ФОРМУВАННЯ
НАЦІЙ**

Національна академія наук України
Інститут політичних і етнонаціональних досліджень
НАН України імені І.Ф.Кураса
Українська академія політичних наук
Інститут політичних наук

**ЕЛІТИ І ЦИВІЛІЗАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ
ФОРМУВАННЯ НАЦІЙ
ТОМ 1**

Київ – 2006 р.

У збірці вміщені статті, присвячені недостатньо вивченій проблемі-ролі елітних прошарків суспільства в різний час та в різних народів, що пасяляли землі сучасної України та суміжні території. В першу чергу це відноситься до місця української еліти у формуванні нових суспільних взаємовідносин на початку III тисячоліття.

Для істориків, політологів, філософів, викладачів та студентів гуманітарних факультетів.

Друкується за рішенням Вченої ради Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України імені І.Ф.Кураса.

Редакційна колегія:

д.іст.н. О.О. Рафальський (головний редактор)

к.іст.н. М.Є. Горелов (відповідальний секретар)

член-кор. НАН України С.О.Довгий

д.політ.н. Ю.А. Левенець

член.-кор. НАН України М.І.Михальченко

член-кор. НАН України О.П.Моця

член-кор. НАН України О.П.Резнт

Рецензенти:

д.іст.н. М.І.Панчук

д.політ.н. М.І.Обушний

Тексти даються у авторській редакції.

Відповідальність за достовірність наукової інформації та посилань несуть автори.

Збірник підготовлено у рамках спільного проекту НАН України і РГНФ.

«Еліти і цивілізаційні процеси формування націй» - К.2006
- 496 стр. ТОВ УВПК "ЕксОб".

ISBN 966-7769-54-2

© ТОВ УВПК "ЕксОб", 2006

ЗМІСТ

Передмова	7
<i>М.В.Попович</i> Еліта як соціальний феномен	9
<i>О.П. Моця</i> Роль еліт Київської та Козацької держав у тогочасних етнічних процесах	13
<i>О.П. Реєнт</i> Формування економічної еліти (XIX – початку XX ст.)	19
<i>К.В. Балабанов</i> Воспитание национальной элиты на примере деятельности Мариупольского государственного гуманитарного университета	27
<i>В.О. Дятлов</i> Столиця і провінція у протистоянні еліт у Європі в епоху раннього Модерну (XVI–XVIII ст.)	37
<i>О.В. Зернецька</i> Нова еліта XXI століття – медіакратія	47
<i>Д.В. Карев</i> Российская элита и историко-экономическое изучение Беларуси во второй половине XVIII – 90х гг. XIX ст	55
<i>В.І. Кучер</i> Володимир Винниченко проти сталінської і гітлерівської диктатури	65

<i>О.М.Майборода</i> Українська самоідентифікація на сучасному етапі: елітарна та масова версії	71
<i>А.В. Майоров</i> Столкновение готов с антами и венедами и формирование новой военно-политической элиты у славян Восточной Европы	75
<i>С.И. Михальченко, Е.Н. Ефимова</i> Белорусская элита в эмиграции (Е. А. Ляцкий в Праге в 1920-е годы)	79
<i>Л.П. Назорна</i> Конструювання ідентичностей у політичних проектах українських регіональних еліт	83
<i>О.Д. Огуй</i> Едуард Фішер: штрихи до особистості та творчості як представника іноетнічного домінуючого класу	91
<i>Ю.В. Павленко</i> "Творча меншість" та "пасіонарії" як рушії етнонаціональної консолідації	97
<i>А.В. Петров</i> "Варяги-Русь" в IX-X вв.: правящая элита Северо-Западной Руси в свете "варяжского вопроса"	107
<i>О.О. Рафальський</i> Українська інтелектуальна еліта в середині-другій половині XIX ст. і процес формування української нації	129
<i>В.М. Ричка</i> Еліта і становлення середньовічного міста	137
<i>П.М. Рудяков</i> Національні еліти і становлення "нової ідентичності"	149

<i>А.О. Сіленко</i> Цифрова нерівність як результат нерівномірності поширення трансформацій, що відбуваються у світі під впливом інформаційних технологій	155
<i>Ю.І. Шаповал</i> Соловки: трагедія української еліти	163
<i>А.В. Блануца</i> Княжеская элита на Волыни второй половины XVI в. в системе земельного оборота	181
<i>О.В. Борисова</i> Проблема титулу гех в геополітиці середньовіччя: нове бачення	189
<i>Д.П. Ващук</i> Привілейовані верстви суспільства Великого князівства Литовського за правовими джерелами XV-першої третиниXVI ст. (на прикладі Київської землі)	199
<i>М.Є.Горелов</i> Українська еліта за В.Липинським і Д.Донцовим	205
<i>О.Б. Коваленко</i> Історія та генеалогія 'соціально-політичної еліти Гетьманщини у науковій 'спадщині В.Л. Модзалевського	213
<i>В.П. Коваленко</i> 'Давньоруська еліта періоду 'формування державності: етнічний вимір	225
<i>Д. М. Котышев</i> 'Княжеские элиты и городские 'общины в Южной Руси XI–XII вв	235

<i>І.В. Кривошея</i> Стосунки польських аристократів і Василіанського ордену в XVIII столітті (на прикладі магнатів Потоцьких)	241
<i>М.В. Мандрюк</i> "Русский европеец" в Америке: вхождение в социокультурное пространство представителя интеллигенции "иной" цивилизации (из писем Г. Вернадского к родителям)	251
<i>Ю.М. Поліщук</i> Місце та роль національних меншин у формуванні цивілізаційного простору України в кінці XVIII - на початку XX століття (на матеріалах Правобережної України)	275
<i>К.В. Семчинський</i> Переформування національної еліти в період переходу держави від авторитарного до демократичного правління	283
<i>Т.М. Соловійова, О.В. Ткаченко</i> Внесок промисловців Терещенків у розвиток національної культури	291
<i>О.О. Траверсе</i> Лідерство і еліти у процесі становлення української політичної нації	299
<i>В.М. Філоретов</i> "Еліта" в системі міждисциплінарних досліджень	307
<i>Н.Н. Юсова</i> Из жизни научной интеллигенции: некоторые аспекты деятельности ленинградских историков Е. М. Косачевской и В. В. Мавродина	311

<i>О.В. Батрак</i> Русько-Візантійський конфлікт середини 40-х рр. XI ст.: церковна політика правлячої еліти Русі на просторі візантійської ойкумени	333
<i>К.О. Богуславська</i> Застосування мережевого підходу у дослідженнях політичних еліт	351
<i>Е.Н. Велешко</i> Виктимологические аспекты позиционирования крымскотатарской политической элиты	361
<i>О.Т. Гончар</i> Українська інтелектуальна еліта у соціокультурному просторі Російської імперії XIX ст.: на прикладі взаємин М.І.Костомарова і Т.Г.Шевченка (буденний аспект)	367
<i>Д.М. Горелов</i> Еліта української діаспори США в діалозі з Україною	377
<i>О.О. Демиденко</i> Діяльність української інтелігенції в сфері збереження пам'яток козацтва (друга половина 1950-х - 1960-ті роки)	385
<i>М.П. Лукашевич, М.П. Недюха</i> Перспективи створення єдиної помісної церкви в Україні як засіб консолідації політичної нації	393
<i>О.Г. Михайловська</i> Тенденції процесу інституціоналізації громадянського суспільства в сучасній Україні	407
<i>І.Л. Рогачова</i> Давньоруський світогляд: між елітою і простолюддям (проблема формування двовір'я)	421

<i>А.С. Третьяк</i> Партійна відповідальність як механізм реалізації політичної реформи в сучасній Україні	427
<i>С. В. Проценко</i> Цивілізаційні аспекти благодійності й меценатства в Україні та Росії за часів Російської імперії: роль елітарних прошарків суспільства	435
<i>С.А. Цыганков</i> Правящая элита и городская община древнерусской Тмутаракани	445
<i>М.Л. Шмыкова</i> Борис Годунов как представитель правящей элиты: трансформация образа правителя в официальной идеологии и публицистике Смутного времени	453
<i>Я.Л. Шолох</i> Прихід до керівництва ОУН-УПА Р. Шухевича в руху світлі зарубіжної історіографії національно-визвольного 30–50-х рр. ХХ ст	465
<i>С.Л. Юсов</i> Вплив українських радянських істориків на формування ідеологічних концептів (на прикладі діяльності В. Голобуцького)	475

**"РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ" В АМЕРИКЕ: ВХОЖДЕНИЕ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ "ИНОЙ" ЦИВИЛИЗАЦИИ
(ИЗ ПИСЕМ Г. ВЕРНАДСКОГО К РОДИТЕЛЯМ)**

Принято считать, что судьбы ученых-эмигрантов сложились более удачно, чем судьбы ученых, оставшихся или не имевших возможности вовремя выехать из России после Октябрьской революции 1917 г. Однако это достаточно спорное мнение, так как и в том, и другом случае происходила ломка жизненных устоев, пересмотр (добровольный или вынужденный) научных концепций и политических взглядов, приходилось возобновлять свою научную карьеру в чужой среде (для одних – политически, для других – территориально) почти с той же планки, что была взята уже несколькими десятилетиями назад. Этот процесс проходил болезненно и стал для многих испытанием на прочность.

Роковая "отрезанность от архивов" стала настоящей трагедией для многих ученых, занимающихся историей России. После революции их разбросало по разным континентам, где они не только были оторваны от предмета своего изучения, но, что наиболее важно, почти от всех источников по своим темам. Среди эмигрантов оказался и сын выдающегося русского ученого В. Вернадского - Георгий. Ко времени начала очередной русской Смуты он едва успел защитить магистерскую диссертацию, но, покинув Родину, не отказался от своих научных интересов и продолжил изыскания по выбранным им ранее темам. В 1926 г. в письме к родителям Г. Вернадский очертил круг своих научных занятий: "С нетерпением жду папиной биосферы. Мне кажется, папины мысли очень большое применение могут себе найти в истории. Чем я больше думаю об этих вопросах, тем больше мне кажется, что многое в исторической жизни народов должно пониматься именно как "давление живого вещества"... но для того, чтобы проследить историческую жизнь народов с этой точки зрения, нужно не замыкаться в тесные рамки, а охватить более широко – у меня же теперь подбирается материал до[вольно] широкий – история России, Византии, Востока". Разработке этих тем он посвятил свою жизнь, большая часть которой прошла за пределами России.

Формально прощание с привычной столичной жизнью произошло для Г. Вернадского еще в начале 1917 г., когда, благодаря содействию С. Платонова, он получил место на кафедре истории в Омском универ-

ситете, но, не доехав до места назначения из-за железнодорожной забастовки, обосновался в г. Перми, став профессором истории во вновь открытом университете. В Пермь историк вернулся после успешной защиты диссертации, не подозревая, что его поездка в Петроград окажется последним свиданием с любимым городом – за время его переезда произошла очередная смена власти и Россия открыла новую страницу своей истории. Символичным стал тот факт, что Г. Вернадский защитил диссертацию за несколько дней до Октябрьской революции, номинально став, таким образом, последним видным представителем дореволюционной русской исторической науки. Возвращение в Пермь омрачилось не только общегосударственными событиями, но и частными неурядицами – оказалось, что в Пермском университете Г. Вернадского не могли избрать без конкурса, надо было искать новое место. Гордость не позволяла ему воспользоваться услугами Б. Грекова, который хлопотал "задним числом" в "петроградском факультете" или даже в министерстве, и на повестке дня вновь встало путешествие в Омск. Однако этой поездке помешала Чрезвычайная Комиссия, которая в январе 1918 г. внесла молодого профессора в список неблагонадежных лиц, и чета Вернадских в мае, из-за угрозы ареста, была вынуждена срочно покинуть город, перебравшись в начале в глухую деревню, а затем в г. Киев, где обосновались родители историка. При содействии отца ему удалось получить место в Таврическом университете (стал профессором осенью 1920 г.) и уже осенью приступил к преподаванию. В Симферополе Г. Вернадский ушел и в архивную работу, активно сотрудничая с таврическим архивом, где разбирал документы В. Попова – правителя дел канцелярии князя Г. Потемкина. 15 ноября 1918 г. Г. Вернадский был избран членом Таврической ученой архивной комиссии, а 25 марта 1919 г. тайным голосованием – заведующим архивом комиссии. В сентябре 1920 г. он занял пост начальника отдела печати в правительстве генерала П. Врангеля; и, как следствие, после поражения Белой армии – вынужденный побег из России.

30 октября 1920 г., покидая Родину, Вернадские не верили, что это навсегда. Их корабль пришвартовался в Константинополе, где они прожили около 3 месяцев. Следующим местом жительства стали Афины. Историк устроился на работу в православную школу и Национальную библиотеку. Близость к источникам по истории Византии стимулировала его интерес к этому вопросу: он с интересом читал греческие тексты, хотя и со словарем, задумывался над возможностью углубить свои занятия в историю языка, литературы и религии, мечтал создать в Афинах русский археологический кружок, но из-за отсутствия субсидий даже первые "мини"-экспедиции проводились за свой счет по воскресеньям группой таких же энтузиастов, как и сам Г. Вернадский. Правда, в нояб-

ре 1921 г. историк уже сообщал родителям, что появилась возможность создания официального археологического кружка и даже нашлись деньги на покупку фотоаппаратуры. Любопытно, что научная работа не помешала ему заниматься и общественной жизнью эмиграции – в ноябре 1921 г. историк участвовал в заседаниях Карловидцкого Собора, представляя православную русскую общину Афин. Однако работой Собора он остался недоволен, "так как... делегаты больше обсуждали политические вопросы, а не состояние русской православной церкви".

В конце года Г. Вернадский неожиданно получил сообщение, что чешское правительство в рамках "Русской акции" предлагает ему стипендию "для научных занятий от Шафарика и Ганки". Это сильно его воодушевило – он намеревался остаться в Афинах и продолжить занятия историей Византии. Но его постигло сильное разочарование – стипендию можно было получить только по приезду в Прагу. В феврале 1922 г. Вернадские переезжают в Чехословакию, где, как с горечью отмечает историк, у него появилось свободное время для занятий наукой, но нет Афинской библиотеки. Он получил должность профессора истории русского права на русском юридическом факультете Карлова университета (читал курс по истории права Российской империи), состоял членом Русской Ученой Коллегии. Благодаря знакомству с Н. Кондаковым и работе в его Семинарии (с 1925 г.) историку все же удалось не только продолжить занятия историей Византии, но и значительно расширить свои знания по древнерусскому и восточному искусству. Идеи Н. Кондакова о взаимосвязи степной, византийской и славянской культур в сочетании с идеями зарождающегося евразийства определили научную концепцию Вернадского, в основу которой легла взаимосвязь природы и общества как главного двигателя всемирно-исторического процесса. Историк останется одним из активных членов Семинарии (а затем и института) до его ликвидации в 1945 г. Среди евразийцев, с которыми он знакомится в это же время, ему ближе всех оказался П. Савицкий, чья идея о "месторазвитии" легла в основу ряда работ Вернадского, посвященных истории Евразии. "Отсюда ведет начало и его концепция борьбы начал "леса" и "степи" "как стержневых осей русской истории", а также идея "периодической ритмичности" государственно-образующего процесса, во многом предвосхитившую многие положения теории А. Тойнби.

Жизнь в Чехословакии, после нескольких лет скитаний, благоприятно сказалась на творчестве Вернадского, который с 1924 г. почти ежегодно издавал по одной монографии. Находясь в непосредственной близости от родины, историк продолжал внимательно следить за ее научной жизнью, от родителей регулярно получал большинство издаваемых академических изданий, книги и статьи по темам своих исследований. Он с

наметить вехи своего будущего исследования по всем этим разделам, уже теперь решаю, что с начала более углубленно займусь временем Тимура-Едигея (конец XIV – начало XV в.). Это имеет то преимущество, что я прямо вхожу в середину исторического процесса – и буду смотреть оттуда в две стороны – и вперед и назад. К тому же это едва ли не самый запутанный период во внешней истории русско-монгольских отношений, и если я в нем разберусь, то уже лучше разберусь, и в предыдущем и в последующем, а если начать с начала, то боюсь задержаться в XIII в. и дальше никуда не двинусь!". Новое начинание требовало ознакомления со значительным количеством источников, и историк снова обращается к родителям с просьбой прислать те или иные издания по данной теме. Его интересовали как недавно вышедшие работы, так и творчество старших коллег. Именно благодаря почти еженедельной переписке с родителями, Г. Вернадскому удавалось оставаться в курсе научной жизни России. Но, несмотря на частые посылки с русскими книгами и журналами, историку все время недоставало архивных материалов и особенно летописных сводов, на сведениях которых он во многом выстраивал свою историю Древней Руси и монголов. Приятным завершением этого трудного и насыщенного года стало известие об избрании его членом-корреспондентом Славянского института в Праге (в сентябре).

В 1930 г. Г. Вернадский продолжает преподавание, но теперь мечтает сосредоточиться на занятиях по средневековой, а не по новой истории. Новый учебный год в университете был омрачен уже ставшей привычной проблемой с недобором студентов, один курс даже хотели снять, но к середине октября ситуация изменилась – к двум старым студентам прибавилось еще двое и оба курса состоялись. Г. Вернадский с удовлетворением стал замечать, что со студентами, уже не первый год слушающим его курс, начинают завязываться "прочные академические отношения". Хотя во время лекций он еще продолжал с горечью замечать, что студенты иногда подмигивают друг другу, когда он делает ошибки в английских словах. Трудности с английским, однако не помешали ему зимой начать изучать испанский язык для исследований по испанской колонизации. Для пополнения семейного бюджета он активно включился в работу над корректурами на немецком и английском языках по древней истории и археологии, продолжая в редкие свободные часы собирать материал по истории монголов и Древней Руси. С этой целью он согласился и на временную работу в Стэнфорде. Еще в конце 1929 г. Г. Фишер, секретарь Ф. Гольдера (с которым историк был знаком еще по Петербургу), пригласил его поработать летом в Стэнфордском университете, разбирая материалы архива. Однако это предложение было интересно не только с финансовой точки зрения, но и с научной. Проведенное в Стэнфорде

лето чета Вернадских вспоминала с особым удовольствием. Историк в качестве временного консультанта подключился к разбору документов, часть из которых предполагалось издать: "Работа очень интересная с точки зрения "current history" – раз уж мне все равно приходится заниматься". Занятия отнимали немного времени и, наконец-то, появилось время для собственных научных занятий. Г. Вернадского пригласили выступить с докладом в середине августа на съезде Institute of International Relations (Беркли, Калифорнийский университет), посвященном экономическим проблемам Тихоокеанских стран. Он с энтузиазмом взялся за работу и подготовил выступление по теме: "Русские интересы в Монголии и Манчжурии".

В 1931 г. Г. Вернадского избрали в члены Connecticut Academy of Arts and Sciences, однако в связи с занятостью он впервые посетит заседания только в декабре следующего года. Научное содружество Америки начинает проявлять к нему все больше внимания. Он становится членом The Mediaeval Academy of America, которая пригласила историка выступить в конце апреля на своем съезде. В университете окончательно утвердили его курс, что еще более упрочило положение Г. Вернадского. В мае, к своему великому удивлению и счастью, он получил письмо из Гарвардского университета с предложением прочесть курс общей русской истории (2 часа в неделю), и немедленно согласился, так как "это очень почетное приглашение". На его курс записалось 23 человека, что значительно превосходило его йельскую аудиторию. Летом его снова ждали в Стэнфорде теперь не только для работы в Гуверской библиотеке, но и для чтения краткого курса по русской истории.

В 1932 г. Вернадский сотрудничает в качестве рецензента с журналом "Social Science Abstracts" и с другими более мелкими изданиями. Но это отнимало много времени, отвлекая от непосредственных научных занятий, и историк, несмотря на пользу частых публикаций, – это создавало определенный научный имидж – решил отказаться от рецензирования для мелких журналов, которые к тому же плохо оплачивали этот вид деятельности. Он, с присущим ему темпераментом, увлекся историей средневековой России, в частности, событиями XV в. (еще зимой прошлого года начал работу над статьей о московской политике конца XV в.). Пишет статьи о ереси в Новгороде и Москве, все глубже уходя в атмосферу эпохи, благодаря чтению как российско-советской, так и западной историографии. В процессе работы начинает вырисовываться план будущей масштабной работы: "Исход русско-монгольских и русско-византийских отношений; культурный связей с Италией – время Ивана III и Софьи Палеолог, конец уделов, религиозные движения; внешняя политика Москвы этого времени".

На фоне интересной научной работы чтение лекций в Йеле и Гарварде приносило меньше удовольствия. И когда в 1933 г. его занятия в Гарвардском университете прекратились, Г. Вернадский вздохнул с некоторым облегчением – появилось больше времени для реализации научных задумок. В этом же году на курс в Йеле к нему записалось 15 человек – это событие можно было рассматривать как своеобразное "взятие планки популярности", его имя становится все более известным в научных кругах, к нему начинают тянуться молодые исследователи. В декабре он выступил с докладом "Русская промышленность Петровской эпохи" в American Historical Association в Урбане (будет опубликован в следующем году). Этот год ознаменовался сразу двумя важными событиями – в Лондоне на английском языке была издана его книга "Ленин. Красный диктатор", написанная по заказу директора Гуверского института Ф. Голдера, и 31 марта супруги Вернадские наконец-то получили американское гражданство.

В 1934 г. расширяется география его преподавания: Г. Вернадского приглашают прочесть лекции в Mount Holyoke College – один из лучших женских университетов в штате Массачусетс. В Йеле его лекции посещает уже 21 студент, а в следующем году обещали прибавку к жалованию: "Мною дорожат, – писал он родителям 3 июня, – и значит положение мое здесь можно считать упрочившимся". Однако в качестве дополнительного заработка он продолжает сотрудничать с "Journal of Modern History" и пишет иногда рецензии, в частности на "The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmont 1803-1804". На русском языке в Берлине увидел свет его "Опыт Истории Евразии с VI в. до настоящего времени".

Научные интересы Г. Вернадского переключились на историю феодализма в России, и своей первоочередной задачей историк поставил изучение всех трудов по этой теме на английском, французском и немецком языках (значительная часть литературы на русском языке им уже была освоена ранее). Одним из результатов занятий станет статья "К вопросу о происхождении кабального холопства в русском праве", изданная в 1935 г. на французском языке. Его по-прежнему влечет история Византии, и он с упоением отдается чтению хроник, забывая о своей подготовке к лекциям, часть из которых надо было модернизировать, другие – впервые составлять. Г. Вернадский углубляется в изучение внешней политики России, так как в новом учебном году ему предложили прочесть курс "Russian foreign policy from the Congress of Vienna" сразу на двух отделениях – историческом и международных отношений. Правда, его личные интересы распространялись больше на область средневековой истории, и Г. Вернадский объявил и курс "Medieval Russia", понимая в то

же время, что он не будет пользоваться популярностью. Несмотря на значительные успехи в преподавательской деятельности, ученый очень тяжело привыкал к американской системе образования, и после того, как ему предложили пересмотреть метод преподавания с начинающими студентами (рекомендовалось ввести больше письменных работ на проверку прочитанных книг), заметил: "Это скорее наша бывшая гимназическая система, чем университетская". Но выбирать не приходилось, тем более, что лекции хорошо принимались студентами, даже несмотря на то, что он не чувствовал полной свободы в использовании английского языка (хотя на научные темы по-прежнему говорил лучше, чем на бытовые).

1935 г. ознаменовался приобретением небольшого участка земли в 50 километрах от Нью-Хэвена. Супруги с энтузиазмом отдавались возделыванию земли на участке и приведению его в порядок, а к маю им удалось построить "сарай-избушку". В университете весной официально объявили о продолжении преподавания еще на 3 года, но без ожидаемого повышения заработной платы.

В январе 1936 г. на съезде Американского общества Востоковедения историк выступил с докладом об уйгурских юридических документах, вызвавшим неподдельный интерес. Большой резонанс имела и опубликованная им работа "Политическая и дипломатическая история России". Особый спор вызвала интерпретация современной политики, но на защиту монографии встал авторитетный "New York Times Book Review" и М. Карпович, последний небезосновательно апеллировал к тому, что подобного общего очерка ни в российской, ни в советской историографии не существовало. Увидела свет и очередная работа по современности – "Русская революция: 1917–1932". В 1937 г. ученого пригласили на исторический съезд в Провидент, но из письма к родителям (3 января 1937 г.) видно, что это мероприятие не произвело на него должного впечатления. Зато он с радостью сообщал о выходе своей статьи "Пушкин и декабристы" в сборнике "Centennial Essays for Pushkin" (у В. Пашуто, в Кэмбридже). Г. Вернадский намеривался переслать ее в Пушкинский Дом, стремясь не прерывать полностью связь с научной жизнью России (СССР). В то же время он все больше начинал вращаться в американскую профессорскую среду и в одном из июньских писем к отцу отмечал, что "гораздо лучше стали отношения с моими коллегами по отделению, со многими подружился".

Большая часть времени года прошла в работе над корректурами и преподаванием, но это не мешало мечтать и о научной работе, в частности, о задуманном им новом начинании – "Очерке по русской культуре". Если в конце 1936 г. он даже боялся мечтать о том, что сядет за его написание, то к августу следующего года, сосредоточившись на этой работе,

ему удалось закончить сразу две главы. Особый интерес вызвала история торговли, изучение которой, по мнению Вернадского, позволило бы охватить разные стороны культуры того времени. В русле затрагиваемой им темы он пишет в мае статью о средневековой Балтийской торговле и о средневековой Руси.

В новом, 1938 г., Г. Вернадскому снова возобновляют приглашение в университете, на этот раз с повышенным оплатой. Преподавательская нагрузка сильно увеличилась, он занимался и проводил консультации почти каждый день, это при том, что общих курсов не вел и имел небольшие группы. Поэтому, когда он узнал, что на следующий год к нему записалось только 6 человек, то был только рад – напряженный ритм преподавательской жизни сильно диссонировал с его потребностью в свободном времени для научных изысканий, которые в рамках истории Древней Руси переместились в период гуннов и сарматов. По этой теме в апреле историк прочел доклад на съезде American Oriental Society. Его новая трактовка вызвала оживленные споры и повышенный интерес на съезде, историк приобрел массу новых полезных знакомств. В следующем году, после переработки, он опубликовал свой доклад в "Journal of American Oriental Society". Не без чувства научной гордости в письме к отцу Вернадский-младший отмечал: "Мне, кажется, удастся по-новому осветить вопрос об антах (предках восточных славян)". Историк публикует очередную монографию – "Звенья русской культуры", продолжая развивать идею взаимодействия природных и социальных факторов в русской истории. Эта работа, как и "Опыт истории Евразии", и "Начертание русской истории", подводила "исторический фундамент под евразийскую доктрину".

1938 год оказался богатым на посещения научных обществ и съездов. На несколько месяцев Вернадские, наконец-то, смогли выехать в Старый Свет. Ученого пригласили участвовать в конце августа на Международном историческом съезде в Цюрихе, где он выступил с докладом по теме русского феодализма, а в начале сентября его уже ожидали в Брюсселе на Международном Съезде Ориенталистов с докладом о составе Ясы Чингисхана. Для написания этой работы историк привлек источник, на который до него не обращали особого внимания, – произведение историка Джувейни. Посещение съездов и, главное, Европы, произвело на Г. Вернадского неизгладимое впечатление. Съезды прошли оживленно, на высоком научном уровне, он познакомился не только с новыми коллегами, но, что было для него более важно, смог пообщаться со своими давними знакомыми. После подобных встреч историк снова остро почувствовал дистанцию между европейской и американской научной жизнью. После возвращения в Америку более быстрой адаптации к

здешней жизни помогла нагрузка в университете, необходимость закончить ряд мелких статей и заметок, к тому же историк продолжал переводить с персидского на английский язык главу Джувейни о Ясе и работал над I-м томом "Истории России". Изучение персидского подлинника завершится еще одной работой о Чингисхане, опубликованной в 1940 г. В декабре его снова пригласили выступить на съезде, – теперь уже Американской исторической ассоциации, – проходившем в Чикаго. Что характерно, Г. Вернадский выбирает тему, далекую от его предыдущих докладов – "Church and State in the time of Nikon" ("Церковь и государство во времени Никона"). Процесс подготовки настолько увлек историка, что уже в начале января 1939 г. он пишет отцу о своем новом увлечении этим периодом, по которому уже намеревался написать небольшую работу. Над исследованием о церковной реформе историк будет работать вплоть до самой смерти, и так и не успеет его окончить (будет опубликовано в конце 70-х гг.). В феврале интерес к этой теме не уменьшился, и он делил свое свободное время между изучением XVII в., Древней Руси (вновь углубляется в славянские источники) и штудированием арабского языка. Работа над "Историей Руси" проходила медленно; Г. Вернадский пересматривал заново концепции своих предшественников, искал новые, в основном евразийские, аспекты в освещении, казалось бы, давно известных событий. После работы над антами, начатой годом ранее, он с не меньшим интересом приступил к изучению угров, стремясь также дать новую интерпретацию их истории. В апреле 1939 г. им была подготовлена статья по этой теме для журнала "Byzantion".

Его продолжают приглашать на научные съезды и для чтения лекций, например, в ноябре последовало "почетное" предложение выступить с лекциями по феодализму в Cornell University. Улучшение материального положения позволило Вернадским начать закладку фундамента дома, хотя денег на крупное строительство так и не хватало. В 1940 г. историк продолжил преподавательскую деятельность и работу над "Историей России", попутно увлекшись личностью Богдана Хмельницкого. После 13 лет неопределенного положения Йельский университет, наконец-то, воздал должное его заслугам и принял его в число своих профессоров без указания срока службы. Для уже немолодого ученого, автора не одной монографии, это было приятным, но очень запоздалым решением. В январе, что стало для ученого, по всей видимости, полной неожиданностью, его пригласили занять кресло председателя на Историческом съезде в Нью-Йорке. Хотя это приглашение последовало после болезни заранее назначенного председателя.

С началом войны в СССР чета Вернадских включилась в программу помощи советскому народу, развернутую по всей Америке. Они стали ак-

тивистами Нью-Хэйвенского "Russian War Relief", собирали деньги на медицинские принадлежности, Н. Вернадская вязала теплые вещи. От грустных мыслей о родителях отвлекали только научные занятия. После войны научная жизнь историка не претерпела особых изменений. В 1945 г. он издает "Историю России. Киевскую Русь", которая стала продолжением "Звеньев русской культуры" и включила в себя как первый, уже опубликованный том, так и второй, только намеченный Г. Вернадским в конце 30-х гг. В 1950-е гг. он участвовал в одном из крупных археографических проектов русских историков-эмигрантов – издание "книги источников" по русской истории на английском языке. Для осуществления этого плана был образован редакционный комитет в составе: Г. Вернадский (старший редактор), Г. Фишер (редактор-распорядитель), А. Фергюсон, А. Лосский (член комитета) и С. Пушкарев (составитель). Г. Вернадский продолжал активно работать над проектом многотомника, много преподавал, его труды переводились на основные европейские языки и даже на японский, ученого приглашали на крупные американские и европейские конгрессы. В историографической литературе ранее уже отмечалось, что признание академической Америки пришло к историку намного раньше, чем признание в Йельском университете – звание профессора ему присвоили только в 1962 г. Два года спустя его изберут пожизненным президентом Американской ассоциации содействия славянским исследованиям. К концу жизни (почти за 50 лет жизни в США) он создал собственную историческую школу, включающую в себя не только американских, но и европейских последователей. Он автор 22 книг и более 300 статей. Его идеи оказали определенное влияние и на Ю. Рериха, и Л. Гумилева. Умер Г. Вернадский возрасте 86 лет, будучи признанным патриархом русской историографии в США.

Литература

1. Архив Российской академии наук (далее - А РАН). - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 312. - Л. 11(об.).
2. Там же. - Д. 309. - Л. 54.
3. Прежде чем обратиться к годам эмиграции, необходимо вкратце дать биографию историка до 1920 г. Георгий Владимирович Вернадский уже своим рождением (20 августа 1887 г. в С.-Петербурге) в семье известного русского ученого-естествоиспытателя был, по меткому выражению исследовательницы М. Сорокиной, "обречен" на научную карьеру. Но в то же время, это предуготовлявало будущему историку и трудный путь в науке: тень отца, хотя и не давила, так как их интересы лежали в разных областях знания, но уже обязывала ко многому и Г. Вернадский это всегда помнил.

В 1905 г. он с отличием закончил 5-ю Московскую гимназию, где слушал уроки истории у Я. Барскова – ученика В. Ключевского. В аттестате зрелости значилось: "любопытность весьма развитая", "отличается успехами в науках, особенно в словесных и исторических предметах". - Государственный Архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 1. - Л. 2.

Г. Вернадский, несмотря на сильное увлечение геологией в гимназические годы, не пошел по дороге отца, а осуществил его несбывшееся юношеское желание заниматься историей. - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 316. - Л. 9(об.); Вернадская-Толь Н. В. Штрихи к портрету // Прометей. - 1988. - Т. 15. - С. 120.

В 1905 г. Г. Вернадский поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где учился у В. Ключевского, М. Богословского (научный руководитель), М. Любавского, Р. Виппера, А. Кизеветтера, Ю. Готье. Будущий историк поддерживал дружеские отношения с А. Кизеветтером, М. Приселковым, Д. Петрушевским, был близко знаком с А. Корниловым, П. Виноградовым, П. Милюковым и Н. Кареевым; в 10-х гг., переехав в Петербург, стал частым участником бесед как на квартире С. Платонова, так и у его "оппонента" А. Лаппо-Данилевского; являясь членом общественно-политического кружка им. А. Герцена, общался со многими выдающимися деятелями начала XX в. - См.: ГАРФ. - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 13. Л. 3-5.

Годы учебы совпали с бурными революционными событиями и идейными исканиями студенчества. Г. Вернадский не остался в стороне, в 1906 г. был даже арестован; совершил "хождение" в Ясную Поляну к Л. Толстому; посещал заседания Государственной Думы; участвовал в Крестьянском союзе, куда ему удалось привлечь даже свою будущую жену; активно сотрудничал с кадетскими организациями и тому подобное. - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 7. - Д. 124. - Л. 55 об.; Сорокина М. Ю. Георгий Владимирович Вернадский // Природа. - 1999. - № 2. - С. 91; ГАРФ. - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 365.

Женился Г. Вернадский в ноябре 1908 г. на своей двоюродной сестре Нине Владимировне Ильинской.

Он много путешествовал с отцом и в одиночку по Европе. Когда атмосфера в Московском университете оказалась далека от ожидаемой им научности, он уехал учиться в Германию в Берлинский и Фрейбургский университеты (находился там до осени 1906 г.), в последнем он с интересом слушал лекции философа Г. Риккерта, оказавшего воздействие на его восприятие истории как науки,

заставил задуматься над ее смыслом и научными методами. В то же время Г. Вернадский далеко не все принимал из его методологии и уже позже, в 1911 г., заметил: "... хочется как-то иногда философски осмыслить жизнь Людского общества и не формально методологическим путем Риккерта, а более по существу, хотя бы путем "старой" философии истории". - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 36.

В. Вернадский в продолжение затронутой сыном темы, в одном из писем за этот же год, следующим образом отозвался об этом ученом: "Риккерт мне холоден своей рассудочностью, он далек мне благодаря его схематичности. В этом смысле я слишком эмпирик, т. е. слишком сильно чувствую...". - См.: ГАРФ. - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 69. - Л. 66 об.

По всей видимости, ученый не принимал тезис Г. Риккерта о подчинении знания субъективным ценностным понятиям. Однако в исторической науке влияние идей немецкого философа нашло свое отражение даже во "Введении" к "Курсу русской истории" В. Ключевского. Вернадский-младший также не соглашался полностью с позицией отца: "Ты настроен против Риккерта – но, мне кажется, признаешь, что методологически в науке и особенно в истории, нужно разделять индивидуализацию и обобщение и вот мне кажется, что в истории и для того и для другого убедителен экономико-статистический метод, он разбивает понятие единства исторического процесса, которое мне кажется неизбежным основанием истории". - А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 30.

В то же время он оставался противником схематизма; уже в более зрелом возрасте, перечитывая С. Соловьева и Н. Карамзина, историк отдал предпочтение последнему, "т. к. стремится собрать все факты, не будучи связан схемой". - См.: Там же. - Д. 309. - Л. 7. Поиск своих собственных научных принципов продлится у молодого ученого еще не один год.

В 1910 г. Г. Вернадский закончил университет с дипломом первой степени, но не был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Неясно, чем это было вызвано, но после событий 1911 г., когда часть профессуры вместе с В. Вернадским покинула университет, бывший выпускник вряд ли жалел, что покинул его стены: "Очевидно, – писал он отцу, – разложение Московского университета продолжается". - См.: Там же. Д. 305. Л. 35. Однако это обстоятельство не изменило планов молодого ученого и он, несмотря на долгие и мучительные поиски темы будущего исследования, уже в 1912 г. получил доступ к сдаче магистерских экза-

менов в Санкт-Петербургском университете. - См.: ГАРФ. - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 3 - где его научным руководителем стал С. Платонов, влияние на молодого ученого оказывали также И. Гревс и А. Лаппо-Данилевский, с последним он нередко вел научные беседы - "говорили о научных новостях, о новых направлениях в исторической науке, о методологии истории". - См.: Корзун В. П. Г. В. Вернадский - историк русской исторической науки (продолжающая традиция или новый взгляд?) // Вестник Омского университета. - 1996. - Вып. 1. - С. 54-58.

2 ноября 1913 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась его вступительная лекция "О движении русского племени на восток". - См.: ГАРФ. - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 3. - Л. 2. Последние преграды были преодолены и Вернадского приняли в число приват-доцентов с правом читать лекции и вести просеминарии.

Подготовка к магистерским экзаменам шла медленно и иногда вызывала у нетерпеливого молодого историка раздражение, так как вместо того, чтобы заниматься в архивах и писать диссертацию, он штудировал книги по экзаменационным вопросам. (- См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 33(об.)-34) - начиная временами сомневаться в правильности выбранного им пути: "Я занимаюсь довольно много и доволен своими занятиями, но вместе с тем у меня иногда возникает недовольство историей в том виде, как она есть. Это все очень интересно, но я не всегда уверен, что это именно то, что действительно больше всего меня интересует. Впрочем, может быть это от того, что приходится заниматься без разбора и довольно случайно!". - См.: Там же. - Л. 35(об.)-36.

Он стремился постичь суть науки: "Вообще ужасно неясны методы и задачи истории. Одно для меня сейчас ясно, что или историю надо "очистить" от посторонних, главным образом юридических, элементов, или от истории надо совсем отказаться. Но так как я пока не теряю надежды очистить историю, то не думаю пока и отказываться от нее". - См.: Там же. - Л. 37(об.)-38).

В промежутках между занятиями он подрабатывал в "Русских Ведомостях"; вскоре стали поступать предложения и от крупных журналов, например, "Русская мысль" заказала отзыв о курсе историка А. Корнилова. - См.: Дуровцев В. И., Соничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) // Портреты историков. - М.-Иерусалим, 2000. - Т. I. - С. 323.

Выбору темы диссертационного исследования предшествовал долгий и мучительный поиск, который наглядно демонстрирует разнообразие интересов молодого ученого и, к сожалению, пока-

зывает, что за годы учебы он, по своей ли вине, или по невниманию учителей, так и не смог четко определить границы (временные и территориальные) своих будущих научных изысканий. Уже почти закончив сдачу магистерских экзаменов, он весьма туманно видел свой дальнейший исследовательский путь: "Во всяком случае, буду если не вести работу, то ее готовить - в области 1) исторической географии древнего периода 2) истории русского общества XIX в. Вести же работу все таки должно быть буду по дворянству XVIII в. Об этом переговорю еще с Кизиветтером". - А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 47.

Что ему посоветовал маститый ученый неизвестно. Это было записано в начале 1912 г., а уже в ноябре он прислал отцу план диссертации по истории Якутского уезда, которую планировал завершить за 2,5–3 года: "1) Открытие р. Лены и ее притоков и первые шаги русских на Лене до основания Якутского уезда, 2) Хозяйственная жизнь Якутского края приблиз[ительно] 1640–1650 3) Административная и всякая другая жизнь русских в Якутском крае за 1640–1650 годы". - См.: Там же. - Оп. 7. - Д. 124. - Л. 7.

Это увлечение Сибирью (собирался даже в экспедицию) во многом было вызвано влиянием отца, но в большей степени здесь сыграл роль "интерес к проблемам этнического распространения русских по евразийскому матерiku". - См.: Дуровцев В. И., Соничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский. - С. 324.

Не исключено, что тема колонизации была навеяна историку и работами старших коллег, в частности В. Ключевского, П. Милюкова, М. Любавского (слушал его историческую географию). Отвергнув эту тему в качестве диссертационной, он продолжил разработку данной проблематики и опубликовал ряд статей, в которых обосновывал свой тезис о том, что славяне в основном расселились в восточном направлении (О движении русских на восток) // Научный исторический журнал. - Т. 1. - Вып. 2. - 1914; Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. - 1915. - № 4; Против Солнца. Распространение Русского государства к востоку // Русская мысль. - 1914. - № 1.

Публикация статей будет в будущем, а пока молодой историк находился в "погоне за двумя зайцами": "... решительно увлекся Сибирью XVII в. ... Сибирь XVIII в. как история (точная, географическая) и XIX век, как люди, идеи, философская жизнь – вот кажется, чем определяются мои занятия". При этом он планировал жить часть года в Москве, где в архивах были материалы по исто-

рии Сибири, часть - в Петербурге, где можно было заниматься историей XIX в. - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 7. - Д. 124. - Л. 15 об.

Однако все эти планы не мешали ему мечтать о сражениях на фронтах I Мировой войны, о чем он не раз писал отцу. От Всероссийского союза городов он был направлен в Бологое для содействия местным общественным и иным учреждениям в организации помощи больным и раненым воинам, беженцам.

Все эти поиски своего научного пути несколько затянулись, и только где-то к середине войны желание "в истории видеть гораздо больше красок - научных, религиозных, умственных течений, бытовых и пр." (- Там же. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 30-30(об.)) - пересилило его увлечение колонизацией Сибири, тем более что, работая в архиве, он встретил там довольно сильного конкурента по этой теме - "очень симпатичного человека" С. Бахрушина. - См.: Там же. - Оп. 7. - Д. 124. - Л. 15.

По теме Новикова и масонства у него почти не было предшественников (за исключением труда М. Лонгинова, с которым у него, правда, был совершенно разный подход к проблеме), но и к ней он пришел не сразу, так как еще в марте 1913 г. был "занят... главным образом Шуваловым" и начинал "входить" в XVIII в. и чувствовать его деятелей... если Шуваловым и не удастся заняться то кем-нибудь другим, вообще этой эпохой непременно займусь". - Там же. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 33.

На "непрерывности" выбора сказалось и влияние М. Богословского, под руководством которого в 1910 г. он писал кандидатское сочинение "Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.". - Дуровцев В. И., Соничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский. - С. 323.

После выбора темы работа над диссертацией шла ускоренными темпами. Если в апреле 1916 г. он только заканчивал просмотр важных Новиковских изданий, и для него начинали "вырисовываться существенные черты того умственного течения, которое выражалось в Новиковском кружке и действительно было связано с Павлом", то уже в июне он надеялся за лето подготовить материал, разобрав его по главам. - А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 58, 60.

Историк одним из первых увидел, что "явления официального мистицизма начала XIX века безусловно исходят (часто, конечно, в извращенном виде) из того же масонского течения (даже Священный Союз и военные поселения I)". - См.: Там же. - Л. 60.

Дата защиты диссертации была назначена на 29 октября 1917 г.,

но Г. Вернадский, опасаясь что "немцы помешают" приезду, прибыл в Петроград из Перми заранее и защита произошла уже 22 числа. Оппонентами на диспуте выступили экстраординарный профессор С. Рождественский (сотрудничал с ним в Бюро одного из журналов) и заслуженный ординарный профессор И. Шляпкин. - См.: ГАРФ. - Ф. 1137. - Оп. 1. - Д. 3. - Л. 5.

Защита прошла успешно, а диссертация "Русское масонство в царствование Екатерины II" была опубликована отдельным изданием еще в мае.

4. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 305. - Л. 64.
5. *Вернадский Г. В.* Из воспоминаний // Вопросы Истории. - 1995. - № 1. - С. 143-147.
6. *Филимонов С. Б.* "У русских ученых хватит энергии и воли к возрождению русской науки и культуры в возрождающейся России". Отец и сын Вернадские в Крыму в годы Гражданской войны. 1919-1920 // Отечественные архивы. - 2004. - № 4 // <http://www.rusarchives.ru/publication/vernadskie.shtml>
7. Там же.
8. Кроме того, ученый являлся членом-учредителем (затем – и председателем) Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, заместителем председателя Религиозно-философского общества, научным сотрудником Таврического центрального архива (учрежден 22 мая 1919 г.), возглавляемого его другом Б. Грековым. - См.: Там же.
9. По другим данным в августе. - См.: Козляков В. Н. "Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса..." (Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) и его "Очерки по русской историографии") // Вернадский Г. В. Русская историография. - М., 1998. - С. 9.
10. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 308. - Л. 11.
11. Там же. - Л. 18, 13.
12. Там же. - Л. 14(об.).
13. Там же. - Л. 16(об.) - "Сын мой работает над Визант[ийской] историей, и я отчасти рад, что он сидит при лучших условиях" писал В. Вернадский своему другу Н. Василенко (10. IX. 1921). - Центральный государственный архив-музей литературы и искусств Украины (ЦГАМЛИ Украины). - Ф. 542. - Оп. 1. - Д. 20. - Л. 25.
14. Николаев Б. Жизнь и труды В. Вернадского // <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv100.htm>
15. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 308. - Л. 14.

16. Он снова возвращается к изучению периода конца XVIII – начала XIX в., пишет статьи сразу на 3 языках: французском, русском и чешском ["Цесаревич Павел и масоны" (1923), "Разыскания по истории масонства и мистицизма в России" (не ранее 1923), "Государственная Уставная грамота Российской империи (проект конституции во вторую половину царствования Александра I" (1925), "Славянский вопрос в политике Александра I" (1927)]; выступает с докладами: "Военные поселения в России при Александре I" (на академическом съезде в Праге в 26.9.1924 г.), "Памяти А. А. Корнилова" - в Русском историческом обществе в Праге в 1925 г. - См.: Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Вернадский Г. В. Русская историография. - М., 1998. - С. 442.
17. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 308. - Л. 18.
18. Сведения из писем несколько расходятся с американскими воспоминаниями историка, в которых он писал, что в Афинах был "отлучен от науки". - См.: Козляков В. Н. "Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса..." - С. 10.
19. Вернадский Георгий Владимирович // http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/vernad_gv.html. - В. Вернадский, после встречи с сыном в Германии, сообщал своему корреспонденту Н. Василенко: "Я очень доволен своим свиданием с ним. Его мысль очень выросла, и то, что я ценю очень в нем - что встречается не так-то часто - это искренность научной мысли... Сейчас он выпустил очень интересный... очерк русской истории (Начертание русской истории. I. Внешняя история) на фоне истории Евразии. Мне кажется, он впервые ввел очень большой новый материал, связанный с историей Азии, и многое в русской истории представляется иначе, чем думалось раньше. Книга его, как ставящая на обсуждение коренные вопросы, вызовет, конечно, большие возражения. Но, я думаю, постановка этих вопросов, особенно в наше время, полезна и нужна. Он ее перерабатывает по-английски и пишет на русском яз[ыке] еще сжатый общий очерк (сводку) истории Евразии с 500 г. по Р[ождеству] Х[ристову] до наших дней" (Письмо от 18-21. X. 1927). - ЦГАМЛИ Украины. Ф. 542. - Оп. 1. - Д. 20. Л. 40). Первой евразийской работой стала статья ""Соединение церквей" в исторической действительности" ("Россия и латинство", 1923).
20. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 308. - Л. 7-7(об.).
21. Сорокина М. Ю. Георгий Владимирович Вернадский. - С. 94-95.
22. Там же. - Д. 310. - Л. 1, 8.

23. Там же. - Д. 318. - Л. 2(об.).
24. Там же. - Д. 321. - Л. 36(об.).
25. Там же. - Д. 311. - Л. 4.
26. Там же. - Д. 305. - Л. 37-37(об.).
27. Там же. - Д. 312. - Л. 3.
28. Там же. - Л. 30.
29. Однако при первых же слухах об открывшейся в Скопле (Сербия) кафедре по истории Византии Г. Вернадский советуется с М. Ростовцевым о возможности получить это место, которое привлекало его своей близостью к центру культурной европейской жизни, и главное - в плане источников было выгодно для работы по истории древней Руси и монголов. - Там же. - Л. 22.
30. К сожалению историка, эта вакансия ему так и не досталась.
31. Там же. - Л. 22(об.).
32. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 312. - Л. 3(об.).
33. Там же. - Л. 4.
34. Там же. - Л. 13.
35. Там же. - Л. 6(об.).
36. Там же. - Л. 8-8(об.).
37. В США в это время появилось значительное количество редких и рукописных русских книг, привезенных эмигрантами. Г. Вернадский по этому поводу писал родителям: "В библиотеке здешней я нашел много книг по русской истории, в том числе целые серии; как "Сборник исторического общества", "Русская старина" и прочее и, видимо, они готовы выписать, что мне нужно, у них есть какие-то агенты, которые так дешево могут достать какие угодно русские книги, что я прямо удивляюсь, как это они ухитряются. Если бы у меня были книги, я, кажется, так не продал бы". - См.: Петров Е. В. Архивная россика в США в первой половине XX века // Россика в США: Сб. ст. / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7. - М., 2001. - С. 146-160 (<http://lib.rin.ru/doc/i/73596p2.html>)
38. Узнав о неопубликованной рукописи А. Лаппо-Данилевского, он просил отца выслать ее в Америку, где ему, возможно, удалось бы найти издателя и выпустить ее на английском языке. - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 311. - Л. 28.
39. Через несколько лет, в 1933 г., он загорелся подобной идеей и в отношении рукописи Владимирцова. - См.: Там же. - Д. 316. - Л. 17. Однако все это осталось только альтруистическими планами.
40. Там же. - Д. 312. - Л. 26(об.).
41. Там же. - Д. 313. - Л. 51-51(об.).

42. Там же. - Л. 52.
43. Там же. - Л. 58(об.).
44. Там же. - Д. 312. - Л. 41; Там же. - Д. 313. - Л. 1 об.
45. К тому же ему отказали в более оплачиваемой работе специалиста-исследователя по истории в Вашингтоне, мотивируя это отсутствием американского гражданства. - См.: Там же. - Д. 313. - Л. 1(об.), 3.
46. Там же. - Д. 323. - Л. 7.
47. Там же. - Д. 313. - Л. 29-30.
48. Там же. - Л. 37.
49. Там же. - Д. 315. - Л. 22.
50. Там же. - Д. 314. - Л. 16.
51. Там же. - Л. 19.
52. Там же. - Л. 43.
53. Там же. - Л. 13(об.).
54. Там же. - Д. 315. - Л. 2.
55. Там же. Л. 1-1(об.).
56. Там же. - Л. 8(об.)
57. Для разработки этой темы он берется за написание очередной статьи для "Итальянской энциклопедии" - об Иване III, а также о его жене - для греческого сборника памяти профессор Ламброса. - Там же. - Л. 13(об.).
58. Там же. - Д. 316. - Л. 6.
59. Не записавшимся вовремя студентам он был вынужден даже отказать.
60. Там же. - Д. 317. - Л. 5.
61. *Николаев Б.* Жизнь и руды. В. Вернадского // <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv100.htm>
62. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 316. - Л. 14(об.).
63. Там же. - Д. 317. - Л. 5.
64. Первоначальное количество желающих насчитывало более 30, но историк был вынужден отказать части претендентов. - См.: Там же. - Л. 8-8(об.).
65. Там же. - Л. 16(об.).
66. Там же. - Л. 40.
67. Там же. - Л. 16.
68. Желающие стали записываться уже заранее, но администрация университета, по словам историка, разрешила ему выбрать только лучших студентов в количестве 14 человек. - Там же. - Л. 18(об.).
69. Там же. - Л. 18(об.).
70. Там же. - Л. 39(об.).

71. Там же. - Д. 318. - Л. 3.
72. Там же. - Л. 7.
73. Там же. - Л. 21.
74. Там же. - Л. 18(об.).
75. Там же. - Д. 319. - Л. 4(об.).
76. *Козляков В. Н.* "Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...". - С. 13.
77. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 320. - Л. 24(об.).
78. Там же. - Д. 319. - Л. 37.
79. Там же. - Л. 33.
80. Там же. - Д. 320. - Л. 18(об.).
81. Там же. - Л. 19.
82. Там же. - Д. 321. - Л. 20, 16(об.).
83. По словам Г. Вернадского Н. Кондаков ввел его "в скифо-сарматский мир и пробудил интерес к истории аланов". - См.: *Козляков В. Н.* "Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...". - С. 11.
84. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 321. - Л. 5(об.).
85. Там же. - Л. 17.
86. Он участвовал в заседаниях "исторической" конференции Американской исторической ассоциации, проходившей в Чикаго. На ней обсуждался вопрос о создании специального печатного органа историков-славистов, будущего "Slavic Review". Вернадский был избран в число основателей журнала. - См.: *Козляков В. Н.* "Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...". - С. 14.
87. Там же. - Д. 322. - Л. 10.
88. Там же. - Д. 321. - Л. 5(об.).
89. В 1939 г., когда до него дошла статья Б. Рыбакова об антах, он с удовлетворением заметил отцу, что хотя советский коллега близок его идеям, но не видит связь между антами и асами, о которой писал Г. Вернадский. Однако, историк признавал, что его работе не хватало археологического материала, которым так богата статья Б. Рыбакова. - См.: Там же. - Д. 322. - Л. 28.
90. Первоначально планировалось написать две части, но работа над многотомной "Историей России" не позволила осуществить это начинание.
91. Историк, в отличие от многих своих предшественников, но в русле советской историографии того времени, рассматривал Киевскую Русь как один из древнейших центров культуры, обладающий богатым духовным и материальным потенциалом.

- Для Г. Вернадского, чья работа являлась подтверждением тезиса о своеобразии и уникальности российской истории, не могло быть иной постановки вопроса.
92. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 321. - Л. 20, 34, 23;
 93. (О составе Великой Ясы Чингисхана // Исследования и материалы по истории России и Востока. Брюссель. - 1939. - Т. 1).
 94. В своей работе "История права" Г. Вернадский отмечал, что сочинение Джувейни было частично переведено на русский и главные европейские языки, но глава о Ясе до него не была использована. - См.: Вернадский Г. В. История права. - СПб., 1999. - С. 115.
 95. Для его прочтения он стал изучать персидский язык, намериваясь в будущем освоить и арабский: "Знакомство с восточными языками открывает мне новые возможности и горизонты в изучении древней русской истории, я очень этим вдохновлен". - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 321. - Л. 25(об.).
 96. Там же. - Л. 36.
 97. Там же. - Л. 43.
- Juwani's Version of Chingis Khan's Yasa // Seminarium Kondakovianum. - 1940. - Т. XI.
98. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 321. - Л. 46.
 99. Там же. - Д. 322. - Л. 2.
 100. Дуровцев В. И., Соничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский.
 101. В 1937 г. Г. Вернадский и его друг Б. Бахметьев, член правление Гуманитарного фонда, задумали создание многотомной "Истории России". Историк активно принялся за работу, но она продвигалась медленно. Именно Б. Бахметьеву принадлежала идея привлечь к написанию истории XIX в. профессора Гарвардского университета М. Карповича (умер в 1959 г., не завершив проект). Планировалось написать десять томов: первые шесть - до создания Российской империи - под авторством Г. Вернадского, последние четыре - с начала XIX по XX в. - М. Карпович. Г. Вернадский написал пять книг: I том - "Древняя Русь" (1943), II-й - "Киевская Русь" (1948), III-й - "Монголы и Русь" (1953), IV-й - "Россия на пороге нового времени" (1958), V-й - "Московское царство" (1968). В "Истории России" тезис о влиянии "месторазвития" на исторические особенности общественных институтов, изложенный Г. Вернадским еще в "Начертании русской истории", получил дальнейшее развитие и, если можно так выразиться, достиг своего апогея. Закончив рукопись I-го тома, Г. Вернадский в письме к отцу резюмировал основную цель своей работы: "Совершенно по-новому осветить древнейший период". - См.: А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 323. - Л. 16(об.).

102. Это историку удалось. В исследовании впервые в зарубежной литературе анализировались и синтезировались разработки советских историков того времени. И весь этот огромный пласт исторического материала и историографии Г. Вернадский поднимал в одиночку, в то время как над создававшейся почти в это же время на родине "Истории СССР с древнейших времен...", трудился огромный коллектив ведущих историков страны. В книгах не мало спорных моментов, но широта взглядов и привлеченных источников до сих пор позволяют им не терять своей актуальности.
105. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 322. - Л. 6-7(об.).
104. Там же. - Л. 16(об.).
105. Там же. - Л. 39.
106. Там же. - Л. 34.
107. Там же. - Л. 5.
108. Возможно, на это повлияли новые тенденции советской историографии, когда после присоединения Западной Украины и Белоруссии к СССР, личность Б. Хмельницкого оказалась в центре внимания историков. Как раз в это время Г. Вернадский читает лекции "Киевский и казачий период в украинской истории", а еще ранее, в 1938 г., пишет статью "Кн. Трубецкой и украинский вопрос" (не была опубликована). - См.: Обзор лекции документов Г. В. Вернадского в Бахметьевском архиве... - С. 442.
109. А РАН. - Ф. 518. - Оп. 3. - Д. 322. - Л. 7.
110. Там же. - Л. 3.
111. Там же. - Д. 323. - Л. 14.
112. Первый том, частично переработанный и с небольшими изменениями в структуре содержания, почти полностью вошел в новое издание, позволяя современным историкам при сравнении двух вариантов текста заглянуть в творческую лабораторию ученого, проследить изменение акцентов, вариации фактологического материала и так далее.
113. *Петрова Е. В.* Архивная россика в США в первой половине XX века // (<http://lib.rin.ru/doc/i/73596p3.html>).
114. Уже в 1931 г. он был избран в члены двух академий - Connecticut Academy of Arts and Sciences и The Mediaeval Academy of America.